

КАРБУСИК

ТОМ 2: ГЛУХОЕ ЗАЗЕМЛЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никита Карбусик
Карбусик: Глухое заземление
Серия «Квант и Канифоль», книга 2

<https://litres.ru/74576542>

SelfPub; 2026

Аннотация

Горизонт минус 240. Подвал похоронен взрывом. Архипов тяжело ранен, кот с квантовым ядром онемел и выгорает, а по трубам идут дроны «Апекса». Подростку Никите остаётся вести группу через ядовитые коллекторы к Шлюзу-4. Чтобы выжить на дне Неон-Сити, нужно уйти в глухое заземление.

Продолжение истории троицы из Трущоб Неон-Сити

Содержание

Пролог: Протокол «Шлак»	4
Глава 1: Вдох технической жижи	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Никита Карбусик

Карбусик: Глухое заземление

Пролог: Протокол «Шлак»

*(12 сентября 2026 г., 23:48. 80-й ярус
Неон-Сити, департамент ликвидации угроз «Арх
Technologies»)*

Стерильный воздух аналитического узла пах озонном, жидким азотом и дорогим пластиком. Здесь не было звуков, кроме ровного, едва слышного шелеста турбин серверных стоек. Никакой копоти. Никакого запаха перегретой канифоли. Маркус Волк стоял перед панорамным терминалом, заложив руки за спину. В черном матовом стекле отражались холодные неоновые сполохи рекламных дирижаблей за окном и бегущие строки системных логов. На центральном голографическом экране мерцала объемная схема нулевого сектора. Зеленый маркер с маркировкой **«Project 089: BRUTUS»** пульсировал ровно три секунды назад. Теперь на его месте горела рваная желтая пиктограмма критического сбоя.

— Доклад, — не оборачиваясь, бросил Волк. Голос звучал

сухо, без единой интонации.

Оператор в кресле нейроинтерфейса дернул плечом, его пальцы судорожно заскользили по сенсорной панели: — Полная потеря телеметрии с восьмидесятой секунды штурма, сэр. Последний пакет данных: всплеск напряжения на внешнем контуре ликвидатора — свыше четырех тысяч вольт. Температура в фокальной плоскости магнетронного излучателя превысила предел деградации оптики. Сапфировые линзы и матрицы выкипели за сорок наносекунд.

— Сеткомет? — прищурился Волк.

— Баллон с жидким азотом сдетонировал от термического удара. После этого... — оператор сглотнул, вглядываясь в кривую сейсмографа. — Зафиксирован подрыв силового трансформатора подвального узла. Сорок тонн перекрытий из шлакобетона обрушились в приямок. Глубина завала — от четырех до шести метров.

В центре зала зависла пульсирующая надпись нейросети: **ВЕРОЯТНОСТЬ УНИЧТОЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ:** Архипов В. А. (биообъект): **98,4%** Субъект «Carbonashka» (биообъект): **99,1%** Субстрат «Омега» (квантовое ядро): **98,2%** *Рекомендация протокола: Закрыть инцидент. Статус: Утилизировано по факту обрушения.*

Оператор потянулся к клавише подтверждения: — Закрываю дело, сэр? Под сорока тоннами бетона в эпицентре взрыва масла органика превращается в фарш, а кремниевые подложки расслаиваются. Там нечему выжить.

— Отставить, — отрезал Волк.

Он подошел ближе к терминалу, и свет экрана лег на его жесткие, резкие черты лица. Волк помнил Валерия Архипова еще по лабораториям сто сорокового яруса, когда у того на шее висел рабский нейроошейник. Архипов был параноиком старой советской школы. Он никогда не нажимал кнопку аварийного сброса, если у него за спиной не оставалось хотя бы одного контура сброса давления. — Вы смотрите в цифры, но не понимаете схемотехники этого старика, — негромко произнес Маркус. — Архипов не стал бы взрывать себя ради эффектного финала. Он замкнул фазу на землю, чтобы ослепить нас и выиграть секунды. Куда ведет дренаж из того сектора?

Оператор торопливо развернул карту коммуникаций под завалом. Вниз уходила тонкая ржавая нить. — Самотечный промышленный сброс. Горизонт минус двести сорок. Технический коллектор старого химкомбината. Вода с высоким содержанием фенолов и тяжелых фракций. Человек без спецзащиты там проживет от силы сорок минут.

— Если он вообще дышит, — холодно заметил Волк. — Но кот не дышит нашими категориями. Если квантовое ядро цело, оно попытается сбросить паразитный потенциал. Оно начнет фонить.

Маркус положил ладонь на биометрический сканер консоли. Раздался резкий звуковой сигнал подтверждения доступа высшего уровня. — Отменить статус «Утилизирова-

но». Инициировать протокол «Шлак».

По экрану побежали алые полосы блокировок: **ВНИМАНИЕ. АКТИВИРОВАН РЕЖИМ ХИМИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ СЕКТОРА -240.** Гидрозатворы самотечно-го дренажа: **Блокировка.** Ввод поисковых зондов: **Разрешен.** Авторизация ликвидации вторичных свидетелей: **Подтверждена.**

— Опустить все механические заслонки на горизонтах от минус ста восьмидесяти до минус трехсот, — приказал Волк, глядя на темные уровни внизу схемы. — Выпустить в коллекторы акустические зонды-водомерки. Перекрыть выход к техническим шлюзам. Если зафиксируете хотя бы один аномальный всплеск на пикосекундных задержках — залить трубу коагулянтom вместе со всем, что там шевелится.

Волк сжал пальцы в перчатке. — Найдите мне этот кремний. Живым или мертвым.

Глава 1: Вдох технической жижи

Чернота не наступала сразу. Она сначала ударила по барабанным перепонкам свинцовым, глухим «У-У-УХ», вышибая воздух из лёгких до сухой пустоты, а потом залила рот едкой, маслянистой горечью. *Никита захлебнулся.*

Инстинкт рванул тело вверх раньше, чем включился мозг. Пальцы скребанули по скользкому, покрытому полуметровым слоем ядовитого ила железу. Горло обожгло так, словно туда плеснули технического ацетона пополам с аккумуляторным электролитом. Он вывалился лицом вперёд, отплёвываясь чёрной пеной, судорожно кашляя до рвотных спазмов, царапая ногтями осклизлый край чугунного лотка.

— Бля... блядь... кха-кха! — сипел Никита, колотя кулаком по трубе. Глаза резало, будто под веки насыпали битого стекла. Воняло сероводородом, тухлым фреоном и палёной изоляцией.

Звуки возвращались медленно, сквозь тонкий, пронзительный звон контузии. Вокруг монотонно, тяжело редела вода. Не чистая, а тяжёлая, густая жижа нижних горизонтов Неон-Сити, куда сливали отработку с химчисток, охлаждающих контуров серверов среднего яруса и нелегальных гидронных ферм. Горизонт минус двести сорок. Мёртвая зона.

Память врубилась резкой вспышкой: ломающийся металл полуметровой двери, мёртвый синтетический оскал ослеп-

шего Брута, треск магнетрона, рубильник и Дед.

— Дед! — Никита сорвал голос на визг, забыв про боль в ободранных коленях. Он повернулся на четвереньках, шлёпая ладонями по масляной жиже глубиной по пояс. Тьма стояла почти осязаемая, плотная, как сырая резина. — Архипов! Дядь Валер!

В трёх метрах ниже по течению что-то глухо плеснуло.

Никита рванул туда, сбивая дыхание, спотыкаясь о приотпленные куски арматуры. Пальцы наткнулись на ткань — грубую, пропитанную машинным маслом парусину монтажного жилета. Архипов лежал ничком на скользком уступе технического бортика, наполовину погружённый в чёрную воду. Его левая рука неестественно, жутко подвернулась под неестественным углом — плечевой сустав выбило начисто, а из груди старика при каждом судорожном вздохе вырывался мокрый, булькающий свист. Сломанные рёбра.

— Живой... сука, живой, держись, — шептал Никита, дрожащими руками хватая инженера за воротник жилета. Мышцы жгло огнём, в глазах двоилось. Никита был щуплым, выросшим на эрзац-пасте и сухом пайке трущоб, но сейчас страх влил в жилы столько чистого адреналина, что он упёрся ногами в ржавый швеллер и буквально взревел от натуги. — Ну же, старый хрыч, греби! Не сдыхай тут!

С хрустом и хлопаньем он втащил обмякшее, тяжёлое тело Архипова на относительно сухой выступ площадки обслуживания. Старик застонал — низко, хрипло, сквозь стисну-

тые до крошева зубы: — Кх-х... су... ка... мелкий... ребро... в лёгкое...

— Молчи, блядь, молчи нахрен! — Никита упал рядом, жадно хватая ртом вонючий воздух. Руки тряслись мелкой, неуправляемой дрожью. Очков у Архипова не было — смыло волной. Лицо старика превратилось в серую маску из грязи, копоты и залипших седых волос, левое плечо распухало на глазах, превращаясь в бесформенный бугор.

И тут Никиту прошиб ледяной пот.

Пазуха.

Он судорожно рванул пуговицы своего синего клубного блейзера. Дорогой, когда-то наглаженный до идеала пиджак — его гордость, броня для стримов — превратился в обгорелую, вонючую половую тряпку с прожжёнными дырами на животе и плечах. Там, прижатый к рёбрам парня, лежал мокрый комок шерсти.

— Карбусик... — выдохнул Никита, доставая кота окочевшими пальцами.

Кот был неестественно тяжёлым. Не просто мокрым, а мёртво-свинцовым. Титановый кожух ошейника «Эгида-2», который Дед так бережно полировал пастой ГОИ на верстаке, был вмят внутрь. Защитная решётка нувисторов треснула, один из миниатюрных металлических триодов 6C51N был смят всмятку, а бериллиевый динамик превратился в плоскую лепёшку из фольги и магнитной крошки. Синтезатор сдох. Голоса больше не было. Но страшнее было другое:

ошейник на ощупь был не тёплым от ламп, а ледяным, будто его достали из морозильной камеры. Квантовый субстрат внутри черепа кота сжался в аварийный анабиоз, чтобы не расплавить мозг носителя обратным током от взрыва. Карбусик не мигал. Его зрачки застыли широкими, неподвижными шестиугольниками, тускло отсвечивающими в темноте мертвенно-бирюзовым фосфором. Тело мелко, судорожно подёргивалось с частотой промышленной сети — ровно пятьдесят герц.

— Карбус... братан... — Никита прижал кота к груди, пытаясь согреть дыханием, и по щекам, смывая техническую гарь, сами собой покатались горячие, злые слёзы. — Не смей, слышишь? Только не ты. Мы же выбрались, мы этого ублюдка железного в пыль стёрли... слышишь?!

Кот слабо, еле заметно дёрнул кончиком оборванного правого уха. Из горла вместо механического баритона вырвался лишь жалкий, хриплый, чисто биологический полустон-полухрип. Никаких слов. Только сырая боль живого существа, в мозгу которого тлел искусственный интеллект на тридцать миллиардов кредитов.

— Он... в гибернации... — раздался с пола сиплый голос Архипова. Дед приоткрыл один глаз, мутный, налитый кровью. Каждый вдох давался ему с мучительной судорогой в шее. — Шунт... сбился. Если... если не сбросить паразитный заряд... кремний дожрёт... синапсы. Через... пару часов... он станет просто... куском мяса.

— Куда сбросить?! Чем?! — сорвался Никита, оглядывая проклятую бетонную трубу. — У нас ничего нет! Подвала нет! Верстака нет! Паяльников твоих ебучих нет! Я стример, дед, я кнопки на паде нажимать умею, я не знаю, как оживить кота в канализации!

Никита сунул руку в уцелевший внутренний карман блейзера. Пальцы нащупали кусок пластика. *Отцовский геймпад.*

Корпус треснул по диагонали, правый стик был вырван с корнем, но витой шнур со старым разъёмом USB-A всё ещё болтался на месте. Единственное, что осталось от прошлой жизни. От дома, от капсулы 42, от детских стримов. Ни пиццы, ни донатов, ни зрителей. Только этот разбитый кусок пластика, умирающий дед и замерзающий кот-киборг.

Архипов оскалился, харкнув сгустком тёмной крови в жижу: — Заткнись... Мелкий, заткнись. Не вой. Ты... в трубах вырос. Твой отец... гидродинамику узлов... лучше меня знал. Вспоминай. Где мы?

Слово «отец» резануло по живому больше, чем кислотная жижа под ногами.

В груди у Никиты всё сжалось в ледяной, горький ком. Перед глазами на мгновение мелькнула не эта вонючая чернота коллектора, а залитая тусклым светом кухня в бараке сектора «Трубы-7». Батя — вечно в пропахшей мазутом робе, с въевшейся под ногти графитовой пылью и въевшейся в пальцы усталостью. Его грубые, тяжёлые ладони, аккуратно паяющие копеечную плату в старом геймпаде. И глухой,

перебитый свистом пара голос: *«Запомни, малой: железо не врёт. Если город начнёт тонуть — слушай, куда течёт отработка. Вода всегда ищет самую нижнюю точку, а трубы — это его вены...»* А потом — авария на четырнадцатом ярусе. Свист сорванного гидравлического фланца, вой sireны, бешеные потоки кипятка пополам с едким химикатом, похоронившие родителей за доли секунды. Ни могил, ни тел. Только нулевой статус сироты, пустая капсула номер сорок два и этот разбитый контроллер в кармане, за который Никита держался как за последнюю нитку к прошлому. Горло сдавило спазмом, к глазам снова подступили злые, жгучие слёзы, но парень со всей силы прикусил губу до крови, выбивая из себя слабость. *«Хватит ныть. Батя бы за такой скулёж отвесил подзатыльник».*

Никита закрыл глаза, жадно втянул носом сырой, ядовитый воздух и заставил себя не паниковать, а слушать. Слушать так, как учил отец. Вкус воды на губах. Горечь фенола и едкий мыльный привкус синтетического каучука. Диаметр тоннеля — добрых четыре метра, клепаный дореформенный чугун, покрытый вековыми солевыми наростами. Уклон лотка — примерно три градуса на восток, поток не бурлит, а вязко тянет к горизонту сброса. Его осенило так резко, будто в висок ударил разряд от конденсатора.

— Минус двести сорок, — тихо, но уже твёрдо произнёс Никита. Голос огрубел, детская истерика выветрилась, уступая место холодной рабочей злости. — Сбросной коллектор

старого завода синтетического каучука. Батя говорил, его заглушили ещё до моего рождения, но самотёк оставили для охлаждения нижних серверов. Он идёт параллельно нулевому ярусу и врезается... прямо врезается в магистральный дренаж гидроузла.

— Дальше... — прохрипел Архипов, цепляясь здоровой рукой за рукав парня. — Куда идёт сброс?

— К Шлюзу-4, — выдохнул Никита, распахивая глаза. В темноте блеснули злые искры. — К фактории Вано.

— Вано... у него есть свинец. У него... лампы. И генератор, — старик судорожно дёрнулся и затих, уронив голову на мокрый бетон. Пульс под пальцами Никиты на сонной артерии бился редко и нитевидно.

Шлюз-4 был в трёх километрах по колено в токсичной жиже против слабого течения притоков. Три километра в темноте, где каждый шорох мог означать обвал или бродячую стаю кибер-крыс. И в этот момент сверху, из глубины тоннеля, откуда они только что вылетели, донёсся звук. Это не был звук падающих камней. Это был тонкий, методичный, леденящий душу высокочастотный писк. *Пинг... пинг... пинг...* Интервал ровно полторы секунды. А следом за ним — дробный, сухой шелест десятков титановых лапок по мокрому металлу свода. Акустические зонды «Апекса». Водомерки. Волк не стал ждать утра.

Карбусик на руках Никиты внезапно напрягся всем телом. Кот не мог говорить, но его лапа с выпущенными когтями

медленно, с механическим усилием поднялась и ткнула Никиту в грудь, а затем указала в сторону узкой, заросшей солевыми наростами боковой трубы перелива. Шестиугольные зрачки вспыхнули чуть ярче, уловив отражённый сигнал сканера раньше ушей человека. Никита сглотнул ком в горле, аккуратно пересадил кота себе на плечо — когти намертво впились в ткань и кожу сквозь прожжённый пиджак, удерживая равновесие — и наклонился над Архиповым.

— Вставай, Дед, — прошипел парень, подсовывая здоровую руку старика себе под мышки и намертво зажимая её плечом. — Слышишь? Вставай, твою мать. Мы ещё не отстримили этот раунд.

Он дёрнул неподъёмное тело инженера вверх, захрипел от натуги и, шатаясь, шагнул в зловонную, ледяную тьму коллатора. Сзади нарастал стрёкот поис

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.